

Александр Карпенко

«Кораблик-слово на реке забвенья»

раннее утро на исходе лета
словно читата из Евангелия от Природы
солнце всходит на холм с полными вёдрами
синего неба...

В новой книге «Тропинка в облаках» Ильи Оганджанова преобладают лирика и мелодические верлибры.

Лишь глаза закрою и сном забудусь,
душа серой цаплей над озером лесным
закружит —
облака на дне его и опавшие листья.

Облака на дне озера и тропинка в облаках, опавший лист, шелестящий в груди, и тень, чернеющая полыньёй в закатных лучах, — всё это образы, которые создают многомерную реальность поэтического мира Оганджанова. Ты словно попадаешь в комнату, уставленную зеркалами: все предметы здесь удваиваются и бесконечно множатся. Претерпевает метаморфозы и время: будущее, прошлое и настоящее становятся одномоментны и одинаково «настоящи».

По сравнению с предыдущей книгой («Вполголоса») взгляд поэта становится объемнее, а речь — проще и прозрачней, сохраняя при этом метафорическую насыщенность. Порой верлибры «сгущаются» в почти классические хокку:

что это
солнечный луч
 соломинка
 первая просесть
в твоих распушенных волосах

Неуловимость жизни — сквозная тема Ильи Оганджанова: «жизнь убегает ученической

строкой, и почерк неразборчив и неровен». В его стихах

прибой аршинными шагами мерит время
и волны бьются
в распахнутые двери утра
и в запертые двери ночи
и словно эхо океана
платаны шелестят на берегу

всё в этом мире только плеск и шелест
это к ним подбираем слова
раскачнувшись
на качелях горя и счастья
и ничего не умеем сказать
кроме «здравствуйте» и «прошайте»

И всё, что нам остается в конце пути, — «горько и больно»: «смутное воспоминание» и «счастливый билет в никуда». Тревожные, трагические ноты постоянно нарушают, казалось бы, предустановленную гармонию сущего: точно в райском саду, «с ветки на ладонь» бесшумно падает «созревший мир».

Стремление к общности с природой и беспредельное одиночество — два полюса книги «Тропинка в облаках». Единственное спасение, пусть и иллюзорное, от этого чувства всеоставленности, невозможности безраздельного слияния с первозданным миром — поэтическое слово. И следуя «в никуда» своим «окольным карандашным путём», поэт, несмотря на все сомнения и внутренние метания, пытается отстоять — хотя бы перед самим собой — идею устремлённости всего живого ввысь.

Пока солнце на цыпочках ходит по каплям
 росы
 в почках набухших зреет шум листопада
 птица слетает к земле на свидание
 с собственной тенью
 и как пустая лодка оторвавшаяся от причала
 улыбка Бога плывёт на небесах

Илья Оганджанов. Тропинка в облаках: Стихотворения. — М.: Летний сад, 2019.

к каким берегам пристанет
о камень какой разобьётся

и где безмолвию камня положен предел
и есть ли у камня душа
или нет у него ничего кроме себя самого
и нет у меня ничего кроме голоса

но если нет у камня души
о чём же тогда моя песня

и лепет листвы и жалоба ветра и вздохи прибоя

Волны на лунной дорожке
лоза бесшумно струится к небу
как будто там её судьба и устье
и родина её плодов

И в этом мире «безмолвия камня», в мире,
который оглашается «кандальной поступью
времени», у поэта нет ничего, кроме его
голоса: «я только голос спорящий с волной/

кораблик-слово на реке забвенья». Но и голос
этот обречен на бесследное исчезновение:

в стрёкоте щебете шелесте тонут слова
в небе сияет заря чудотворной иконой
брат мой кузнечик
какая ширь над нами какая тишина
и в полный рост на косарей идёт трава

Именно этот заведомо обреченный на
поражение «карандашный путь», эту
ускользающую тропинку в облаках, этот путь
«в никуда», в неведомое выбирает поэт:

ветер дождь листопад
духовые и струнные
настройщик плакун-травы
беру как скрипку ветку клёна
и в тёмном шелесте мерцает звезда
и вьётся музыки бесцельная тропа
и я на ней один
без компаса и карты